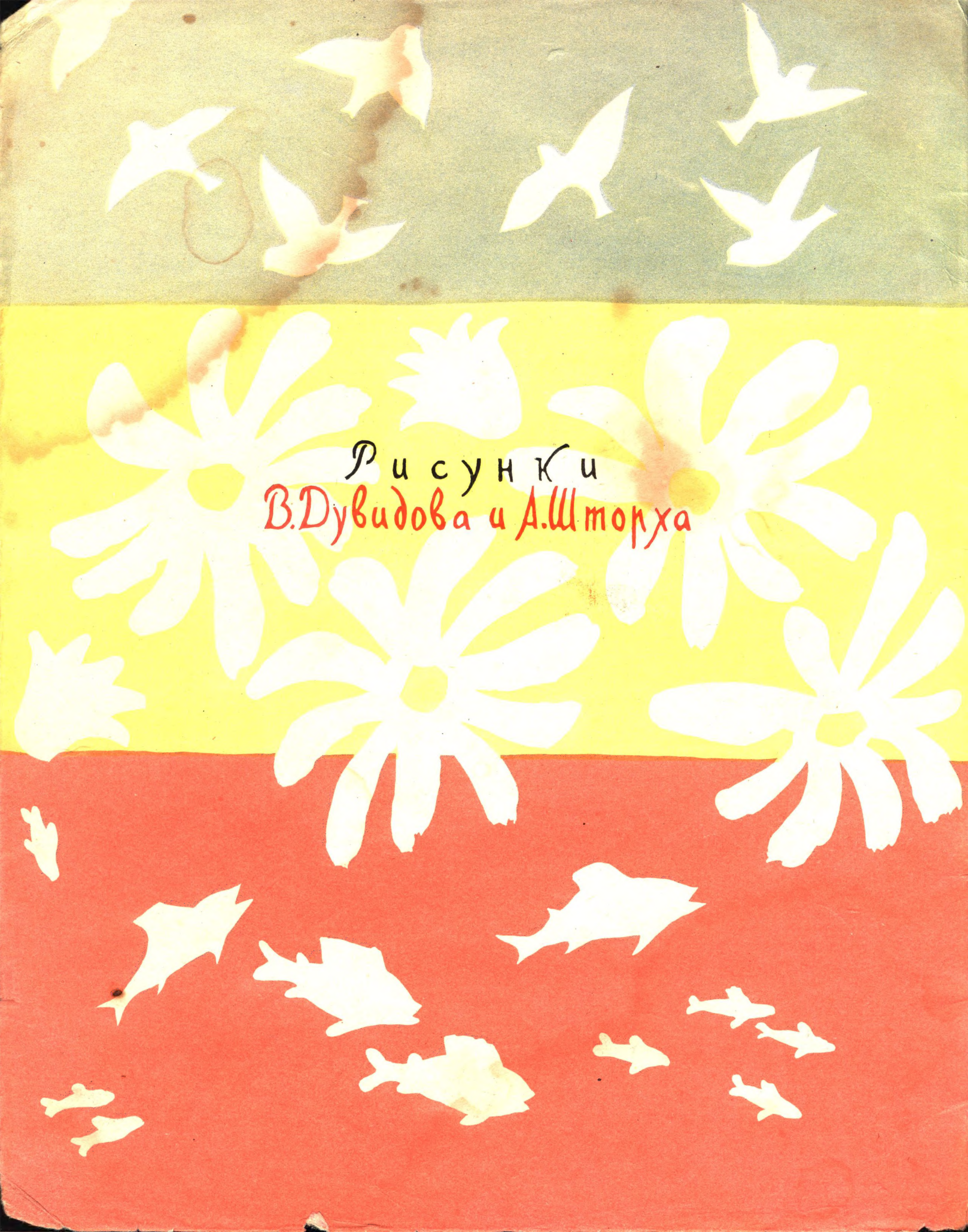

К. ГАРНОВСКИЙ

МЕДВЕДЬ и ВЕТЕР

Рисунки
В. Дувидова и А. Шторха

К. Тарновский

Медведь и ветер

Издательство Советская Россия
Москва 1960

Медведь и ветер

Бродил Медведь по тайге, берлогу себе искал.

Давно пора: зима на носу, того и гляди снег посыплется. Время на покой собираться.

Да хорошую берлогу не так-то просто найти, а кой-какой Медведю не надо. Ведь спать ему в ней не ночку, не две, а всю долгую зиму без просыпу.

Встает над тайгой Солнце. Просит Медведь:

— Солнышко высокое, посвети, покажи мне берлогу хорошую!

Посветило Солнце, показало три добрых убежища.

Да одно — маловато. Останется у медведя нос наружу на лютом морозе. Другое — великовато. В нем тепла не накопишь. А третье — у самой дороги. Поедут зимой люди за дровами, сейчас найдут.

Ушло Солнце, вышел Месяц ясный. Медведь к нему:

— Месяц, Месяц Золотые Рожки, покажи мне берлогу хорошую!

Показал Месяц два добрых убежища.

Да та беда: одно — в низинке, в сыром болоте. А ну как зимой оттепель, подбежит под брюхо вода — талый снег? Другое — на косогоре, на крутом склоне. Того и гляди скатишься во сне, все кости поломаешь!

Встала за лесом Красная Зорька. Медведь к ней:

— Заря-Заряница, красная девица, покажи мне берлогу хорошую!

Показала Зорька Медведю доброе убежище. В дремучей тайге, в самой чащобе — ни человек не пройдет, ни лайка не забежит. Одна беда: челом-выходом берлога на полночь! А у медведей закон: носом на восход ложиться, где солнышко встает.

Пригорюнился Медведь:

— Все мне друзья — и Солнце высокое, и Месяц Золотые Рожки, и Заря-Заряница, красная девица, а никто доброго убежища на зиму указать не может... Придется мне всю долгую студеную зиму по тайге шататься шатуном. А есть что буду?

Услышал тут Медведя буйный Ветер.

«А ну, — думает, — пособлю старому другу!»

Зашумел, загудел по тайге, раскачал высокие лесины. Одну ель с корнями выворотил, повалил на мох. Другие две швырнул на нее. Постель есть — мягкий мох. Три стены есть и потолок — три ели друг на друга повалены. А с четвертой стороны заходи свободно: тут вход — дыра.

Медведь залез под елки, под ветровалины, и такую себе там берлогу устроил уютную — хоть гостей принимай!

— Вот спасибо тебе, — говорит, — старый дружище Ветер! Славно уважил! Закалеешь, замерзнешь зимой, заходи ко мне посидеть в тепле, погреться.

Да Ветер в ответ ему:

— Благодарствую, не могу. И сидеть я не могу, и стоять вовсе не могу.

— Экой ты какой! — удивился Медведь. — А как же ты живешь?

— А живу я, — буйный Ветер отвечает, — на лету. Шибче припущу — сильней становлюсь. Тише лечу — слабею. А остановлюсь, и нет меня...

Залег Медведь в берлогу, стал думать: как это так — ни стать, ни сесть?

Думал, думал и заснул. Устал очень. Медведю тяжелей нет работы — думать.

Заснул да ненароком и проспал полгода, всю долгую сибирскую зиму. Много снов перевидал.

А весной проснулся — все сны разом забыл.

Изголодался, побрел еду себе в тайге разыскивать.

Уходи-ка, откуда пришел!

На лугу, где я присел на камень, никого не было. Вдруг у самых моих ног зашевелилась земля. Показались широкие беловатые лапки и между ними нос-хоботок, потом вся головка, а за ней и черное туловище, и задние лапки, и короткий хвостик. Весь крот выбрался наружу.

Выбрался, а самому не нравится на земле. Голову в траву прячет. Больно от яркого солнышка полуслепым глазкам величиной с маковое зернышко. Все кругом открыто, ветер гуляет, трава шуршит... Для нас-то благодать, а для подземного жителя — фу-фу!

Я наклонился, взял крота в руку.

Он вздрогнул. Передними лапками так и распирает мои пальцы. Лапы у него — настоящие лопатки, да еще с коготками! Короткие, мощные. Вся кротовая сила в них ушла. Будь крот большим зверем, он бы своими лапами железные цепи рвал.

Крот маленький, он цепей не рвет. Он в земле роется, червячков, личинок ищет. Работа тяжелая. Пока роется, очень проголодается. А чтобы насытиться, еще и еще рыть надо. А от этого еще больше есть хочется.

Лапки брюшку говорят:

— Слабеем! Рыть не можем!

Брюшко зубам урчит:

— Скорее, зубы! Скорее!

Зубы — лапкам:

— Ройте, лапки! Добывайте пищу!

Так одно за другое цепляется, конца нет!

Дороется крот до жирной личинки, съест—и мало. Опять за рытье. Червяк, личинка, червяк... и съест за сутки больше, чем сам весит. Это если б человек за день по целому кабану съедал бы с головой и с копытами...

Держу крота в руке, думаю: брать его домой или не брать? Дома можно бы его в деревянном ящике с землей держать. Да разве такого обжору прокормишь? Только и носи ему червей с утра до ночи.

Пускай сам кормится! И положил его на землю: уходи-ка, откуда пришел!

Заработали лапки-лопатки, ушли в землю. За ними носхоботок, черное туловище, задние лапки, хвост-коротышка.

И опять на лугу, где я сижу на камне, никого.

Был крот — и нет его.

Даже дырка в земле засыпалась.

Еловые лапки

— Ты, Гоша, — сказал дед, — пока я тут костер налаживаю, займись-ка, еловых лап наломай для постели.

Гоша наклонился, подобрал на снегу сосновую щепку, нацелился, бросил ее в пенек. Сказал:

—Недолет!—и скрылся в чаще.

Принес охапку ветвей. Дед взглянул, рассердился.

—Я что тебе говорил? Каких лап наломать?

— Ну, еловых.

— А ты каких принес? Пихтовых.

— Не все равно? Пихтовые даже мягче.

— Кабы было все ро́вно, так и гор бы не было! Не знаешь, так учись у старших. Пихтовые лапки мягкие, да холодят. Еловые колючие, да греют. Понятно?

— Не шибко понятно,— пробурчал себе под нос Гоша, но спорить с дедом не стал, побежал за еловыми лапками.

Ночью, лежа у костра, Гоша внимательно рассмотрел еловую и пихтовую лапки. У пихты хвоинки-иголочки плоско лежат, как гребешок. У елки — во все стороны растопырились. Выходит, еловые лапки рыхлей, воздуха между ними больше. А воздух — плохой проводник тепла и холод сквозь себя не пропускает. Это Гоша на уроке физики недавно узнал.

А про лапки в физике ничего не говорится.

Про лапки Гоша от деда услышал.

Дед-то, оказывается, прав! Еловые лапки теплее!

Ни жив ни мертв

В солнечный, но еще прохладный весенний день выбрался из норки, из земляного своего гнезда, мохнатый черно-желтый шмель. Полетел промышлять себе пищу — сладкий цветочный сок.

Летает туда-сюда: один цветок хорош, другой еще лучше!

А погода портится: ветер поднялся, облачка на солнце набегают.

Шмель выбрал наконец цветок по вкусу, вцепился в него

всеми шестью лапками. Сосет цветочный сок. Наслаждается.

А облака гуще да гуще, и ветер холодеет.

Шмель работает хоботком, только все тише, все ленивее.

А погода совсем испортилась: потемнело среди дня, студеный ветер понес мелкую дождевую пыль.

Шмелю надо бы домой лететь, да вот беда: ни лапками, ни крыльями пошевелить не может!

Не птица он—кровь у него не горячая. Сколько солнышко нагреет, столько в ней и тепла. А от тепла—сила. В жару шмель гудит, кружится. А в стужу закоченеет весь—и ни с места.

Сидит шмель, вцепившись в цветок, как приделанный. Ветер цветочек покачивает, и шмель с цветочком качается—ни жив ни мертв.

Ночь пришла — еще похолодало.

Шмель качается.

День настал—качается.

Хорошо, на третьи сутки солнышко пригрело! Зашевелился шмель, полетел, в свою норку спрятался.

А норка тут и была—в кочке, рядом с цветком.

Карасята

Сижу на озерке. Завтракаю. Крошки в воду падают. Солнце ярко светит, и мне видно, как они тихонько опускаются на илистое дно. На дне личинки ручейников ползают в своих лохматых трубочках, прудовики-завитушки из своих раковин рожки показывают, в воде быстрые жуки-плавунцы носятся.

Смотрю, плывут карасята. Штук пять, нет — шесть! Маленькие ленивые карасята.

Ленивые-то, ленивые, а крошки ловко подбирают круглыми ротиками: ни одна теперь на дне не залежится!

Вдруг вижу: щука! Спина темная, рыло узкое, длинное — сколько в нем зубов помещается! И прямо сюда, под жердочки, направляется страшилище.

Другие рыбешки, уклейки там, красноперки всякие, заметят щуку и кто куда — прямо из воды выплеснутся, в воздухе серебром мелькнут. Попробуй поймай.

А карасятам что делать? Нешустрые они, тихоходы.

Смотрю, щука уж совсем близко. Сейчас как кинется, разинет пасть, все шестеро карасят в ней исчезнут.

Вот! Кинулась!.. А карасята виль-виль по дну хвостиками и исчезли.

Только не в щучьей пасти исчезли, а в мутном облачке ила.

Щука — стоп! Стоит, не шевелится. А облачка ила уже нет—разошлось, рассеялось. Но нет и карасят. Куда девались?

Не родилась еще на свет такая умная щука, чтобы добычу искать там, где ее не видно. По-щучьему, если добыча с глаз долой, то и нет ее. Совсем нет. Не существует, раз не видно.

Поплыла щука дальше. Скрылась.

Гляжу, со дна протоки, из ила, один за другим все шестеро карасят поднимаются.

Вот они где были!

Взмутили воду, зарылись в жидкий ил и сидели там смирнехонько. Вот тебе и беззащитные карасята, вот тебе и лентяи.

Здорово провели щуку!

Зарубочка

(Рассказ старого гриба-трутовика)

— Ты что, милый мой, на меня смотришь? Любопытствуешь, как я на это дерево попал? А вот так и попал! Спасибо парнишке одному — пособил мне сюда угнездиться.

Как его звать, не знаю. Рыжеватый такой, веснушчатый. Он по лесу с батькиным топором шел. А руки чешутся: топор-то ведь острый!

Шел мимо дуба да так, ни за чем, тюк по нему. Прорубил кору до древесины. И дальше пошел, потюкивает топориком направо, налево.

Дуб здоровый, зарубку едва заметил. «Ладно,—думает,— заживет!»

А оно когда заживет, а когда и нет.

Я в то время малой пылиночкой был, грибным зародышем— спорой. Несло меня ветром, да как раз в эту свежую зарубочку и посадило.

Эге-ге! Тут-то и начал я расти! Меня ведь хлебом не корми, подавай мне древесину.

Запустил я в дуб свою грибницу тонкими ниточками. Куда запущу, там и гниль. А наружу большим лошадиным копытом вылез.

Год за годом расту и расту. Мало-помалу вон какое дупло в дубе выел. Уж если я в дерево влез, так меня из него не выживешь, дудки!

На днях слышал я — люди под моим дубом остановились, говорили:

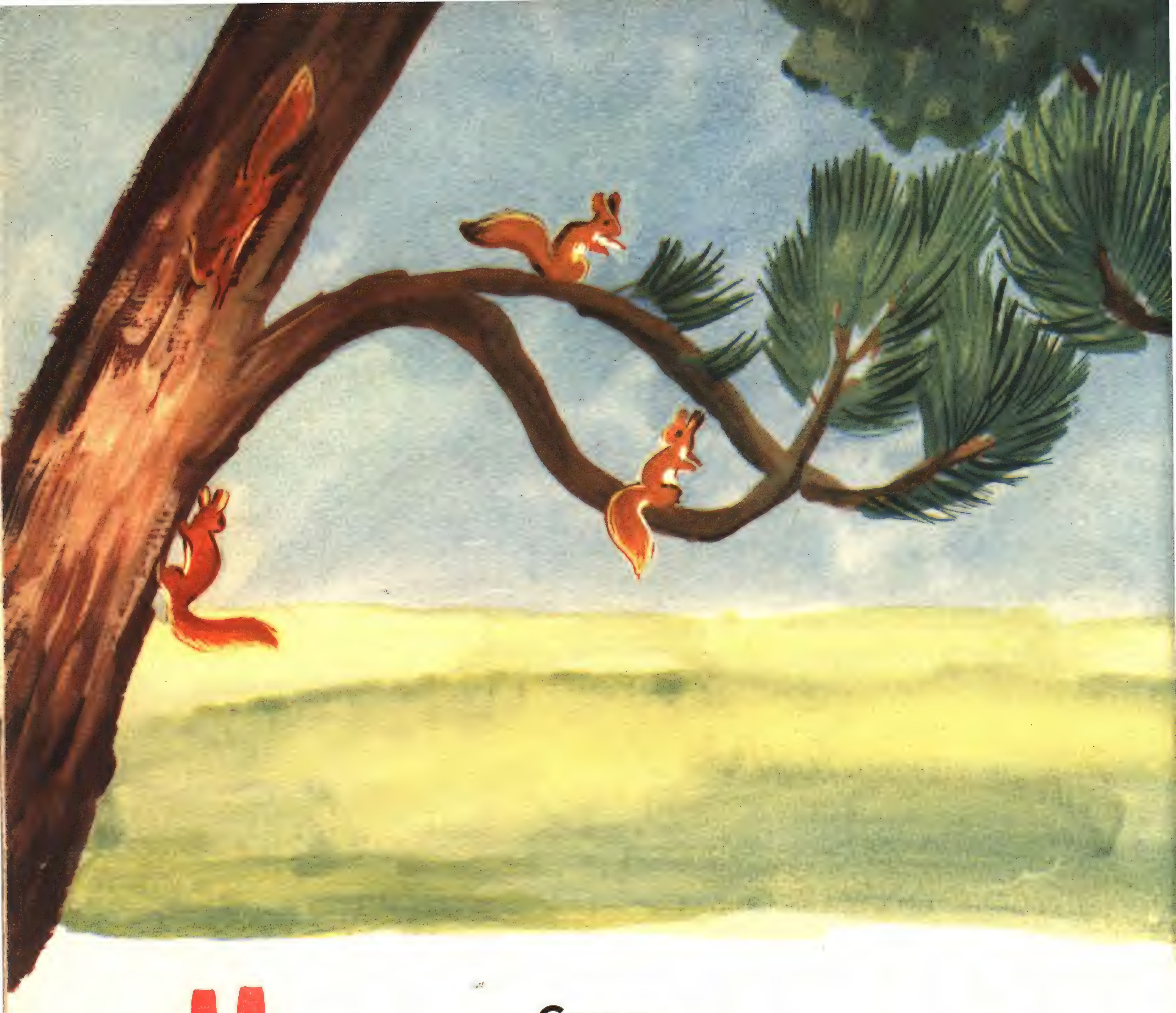
—Хорош дуб! Прямой, и сучьев внизу мало. Прекрасная из него фанера получилась бы. Да вот гад совсем испортил. Пропало дерево!

Это они про меня. Смех прямо! Мне-то что? Пускай себе ругают. Мой дуб! Вот жру его да жру, ни с кем делиться не желаю! И знать никого не хочу! Мой дуб!

Вы таких парнишечек больше в лес посылайте. Вот которые с топориками да с острыми перочинными ножичками ходят да деревья портят. Рраз по живому дереву, рраз!— безо всякой надобности.

Глядишь, для нас, древесных грибков, и пристанище готово—гнездо.

Хо-ро-шо!

Скучно

Не хотел бы я родиться ежонком...

Я люблю смотреть, как играют молодые белочки. Носятся по деревьям туда-сюда, вверх-вниз, по стволу да по сучьям! Это у них игра «В куницу». Одна белочка убегает, другая за ней гонится. Потом глядишь — обменялись ролями: та спасается, эта за ней! Перелетают с сосенки на сосенку — живые

огоньки! Весело им. И деревца их не боятся: огоньки-то не жгучие, с мягкими хвостами.

А лисенята! Друг друга с ног сбивают. Уронят братишку и хвать его за горло! Маленькие хищники, им эта игра пригодится, как вырастут!

Зверям-то всякая игра — наука. Играют — учатся.

У телят, у тех все-то игры взбрыкнуть да, хвост задрав, проскакать круг по муравчатому лугу под веселым весенним солнышком. А ведь тоже наука. Коровы плохие бегуны: случится от волков спасаться, отстанет корова от стада — плохо ей придется.

А как ежата играют, я никогда не видал. Да они, думаю, и вовсе не играют.

Ему какая наука нужна? В шар свертываться? Так это он и без игры знает.

Не видал я, чтобы ежата между собой играли.

Скучно им, поди...

Беседа с пнем

Это уж самое последнее дело, если человека с пнем сравнивают. Потому что... Ну что такое пень? Ни понятия в нем, ни смысла — древесина бездушная. И если уж про человека говорят: «Пень!» — то, значит, и разговаривать с ним — только время терять.

Так ведь то про человека. А вот с настоящим пнем, с древесным, с тем иной раз бывает любопытно побеседовать.

А мне так и прямо необходимо. Потому что я — лесной работник, лес охраняю, изучаю. Мне все о лесе знать надо.

А у кого расспросишь? Обступили кругом деревья—стоят, молчат. Как разговориться вот хоть с этим лесным старожилом, сосновым пнем? А ведь, должно быть, много чего испытал на своем веку могучий старик.

—Дед, эй, дедушка пень!—говорю я, похлопывая его по теплой шершавой коре.— Слышишь меня?

—Как не слышать,— отвечает мне глухо, как из-под земли, хриплый старческий голос.

—Спрашивать тебя можно ли?

—Спрашивай, внучек, спрашивай. Слушаю, слушаю.

—Много ль ты годов, дедушка, живой сосной на свете прожил?

—А запамятовал я, запамятовал. Ты сам посчитай. Глянь-ка на распил-то мой. Видишь, как я рос? Что ни год, то новый слой на себе наращивал. А на распиле-то каждый слой колечком выходит. Что ни год, то кольцо, что ни год, то кольцо. Ты считать-то умеешь? Вот и считай!

—Сосчитал, дедушка. Сто сорок восемь получается.

—Вот-вот. Стало быть, столько и есть моего веку.

—Ну, а хороша ли твоя жизнь была, дедушка?

—Жизнь-то?.. Как сказать, внучек. Всякое бывало. Был я маленьким деревцем—не жил, а маялся. В тесноте рос да в обиде. Большие сосны меня глушили, свет отбивали. Елкам—тем не так много света надо, они тень выносят. А вот мы, сосны да лиственницы, солнце любим, хиреем в тени-то. Вот потому первые мои колечки до того узенькие, дальше некуда. Как еще ты и разглядел-то их?

—У меня стекло увеличительное. Через него и считал.

—То-то! Срок пришел, погибло большое дерево. Сгнило. Рухнуло. Хлынул на меня свет через дыру в лесной крыше. Вот уж я и поправился, окреп. Видишь, какие широкие кольца дальше пошли?

— Как не видеть! Значит, земля-то тут хороша, только бы солнца побольше?

— Землица добрая! На такой землице лесу расти да расти.

— А отчего у тебя и дальше узенькие колечки попадаются?

— Так ведь, дорогой ты мой, год на год не приходится. Ежели, скажем, весна поздняя, затяжная, а потом лето холодное, так тут много в теле не прибавишь. Да то все не беда, потерпеть можно, на другой год свое возьмешь. А вот, внучек, я на своем веку такое пережил, что не чаял и в живых остаться!

— Что такое?

— Да вот подгар-то сбоку видишь? Обожженное место?

— Вижу. Выходит, в огне побывать пришлось?

— Пришлось. Ох, и страшно было! Сперва потянуло, потянуло дымом по лесу... Птицы летят, звери бегут, а нам, деревьям, куда деваться? С места-то не сойдешь! Стоим, ждем.

Вот идет огонь понизу, кусточками попыхивает, валежником потрескивает, по молодым деревцам змейкой ползет, с места на место перемахивает. До меня по мху добрался.

Начал мне кору лизать огненным своим языком. Лизал, лизал, гляди вон — в одном месте насквозь прожег.

Стою, терплю — что ж делать будешь? Ладно, вокруг меня гореть больше нечему было: мох сразу в пепел рассыпался, а земля огню не подвластна. А сам я — сырой, меня тоже сразу не возьмешь.

Ветки у меня и тогда высоко были, не достал их огонь. Пришлось ему отступить. А ровесников моих много он погубил! Гляди-ка, вокруг меня все больше молодежь растет, уже после того великого пожара народилась. Тут и моих деток да внучат полно.

— А в каком году пожар был?

— Где ж мне годы знать! Ты уж сам погляди, узнай по подгару: подгар-то обуглился, омертвел, а рядом, по живому

месту, по-прежнему что ни год, то слой нарастал. Сосчитай их, слои-то новые, вот и узнаешь.

— Хорошо, сосчитаю. Сорок семь! Сорок семь лет тому назад пожар был.

— Во, во! Так оно и выходит!

— Ну, спасибо тебе, дедушка пень! Много ты в памяти такого хранишь, чего прежде люди не записывали. Спасибо!

— На здоровье, внучек, на здоровье! Приходи еще. Я много чего про стародавние лесные года расскажу — только сам спрашивать да понимать умей!

Водомеры

Жаркий день. Все на берегу от жары изнывают. А водомерам не жарко, они ведь прямо по воде бегают. Водомеры — насекомые. Сверху темные, снизу серебристые. Узкое, как лодочка, тельце подвешено между шестью тонкими ножками.

Водомеры увертливые. Протянешь к нему руку, хочешь схватить — он в сторону отскочит. Опять стоит. Вода его хорошо держит, только чуть-чуть прогибается под лапками.

Водомеры на воде живут — и отдыхают тут, и ночуют. И кормятся тоже на воде. На берегу охотиться не умеют и под воду нырять не могут. Привыкли, чтобы добыча к ним с неба валилась. Кто на воду попал, тот и пропал, если защититься не может.

Вон их сколько собралось тут, водомеров, на краю пруда, под нависшими кустами ивы. Штук тридцать. Нет, больше! С полсотни будет. Стоят неподвижно, ждут чего-то.

И вдруг ветерок набежал. Зашумел на берегу в деревьях, качнул кусты над водой. Упал с куста в воду жук-долгоносик.

Водомеры — толпой к нему! Окружили, хватают за лапки, за хоботок, за что придется. А ничего поделать с ним не могут. У жука крепкий панцирь. Так в старину витязи в железные латы одевались.

Повозились с ним водомеры и отстали: не взять жука. Разбежались по сторонам.

Опять ветерок зашумел. Посыпались в воду ленивые сочные тли. Вот это добыча! В один миг водомеры всех тлей расхватали. Каждый свою тлю в сторону унес — из жадности: чтобы с

соседом делиться не пришлось. Высосали тлей и пустые шкурки бросили.

В третий раз закачались от ветра кусты и деревья. Опять тли посыпались. А еще с прибрежной ивы упал крохотный зеленый червячок — гусеница-шелкопряд. Сорвалась с листа — и вниз, к беспощадным водомерам. Конец!

Да нет! Немножко до воды не долетела и остановилась в воздухе. Что такое?

Висит гусеница, качается на тоненькой ниточке-паутинке. Эту паутинку она сама из себя выпустила. А верхний конец паутинки к листику приклеен, на котором кормилась. Куда гусеница ползет, туда и паутинка тянется.

Покачалась немножко гусеница и вдруг стала потихоньку по ниточке подниматься. Это очень тяжело, может быть, до вечера не успеет подняться. Но уж как ни тяжело, а все-таки лучше, чем попасть к прожорливым водомерам.

Голова

На краю поляны, под старой осиной, появился красный гриб подосиновик.

Быстренько вырос и такой красивой оранжево-красной шляпкой обзавелся, что совсем его эта шляпка с толку сбила. Ни с кем знаться не хочет: «я» да «я»! И всех-то он лучше, и никто ему в подметки не годится.

Стоит, чванится.

На его красивую шляпку глядя, все мушки, все бабочки восхищаются:

— Ах, какая шляпка! Ах, какой милый, замечательный молодой гриб!

— Красавец какой! Как себя держит, шляпку лихо носит!

— А горд! А умен!

— Еще бы не умен! Что и говорить, голова!

Тут на поляну заяц выскочил. Торопился по своим делам.

Скок! Прыг! Задел нечаянно задней ногой гриб и сшиб с него шляпку.

А головы-то под шляпкой и нет... Одна ножка. Пенек.

Нечего было и задаваться.

СОДЕРЖАНИЕ

Для детей младшего школьного возраста.

Кронид Всеволодович Гарновский

МЕДВЕДЬ И ВЕТЕР

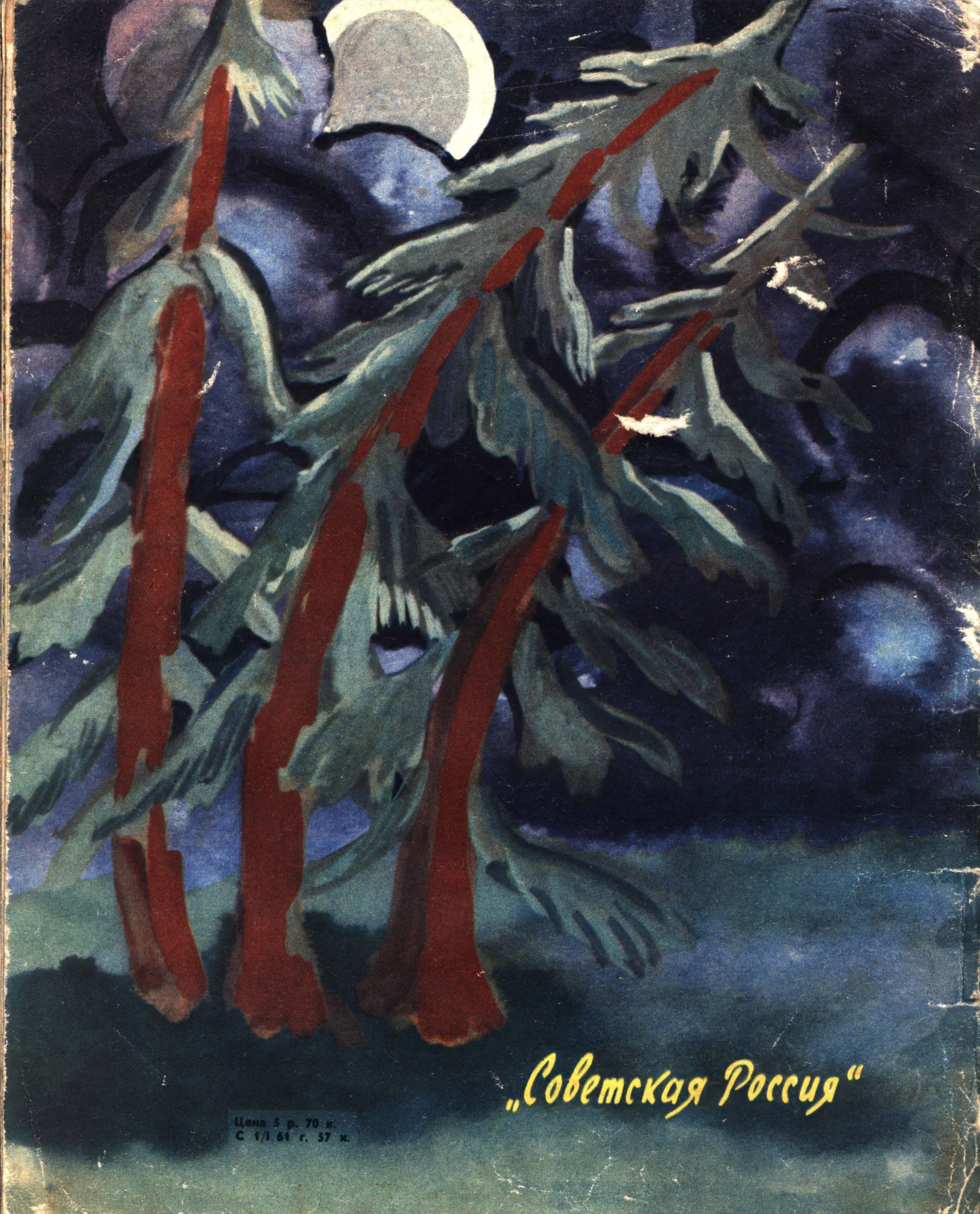
Редактор **М. В. Долотцева**
Художественный редактор **М. В. Таирова**
Технический редактор **Р. А. Медведева**

Сдано в набор 14. V. 60 г. Подписано к печати 23. VII. 60 г. Формат бум. 60×92/8. Физ. печ. л. 5. Уч.-изд. л. 8.1. Изд. инд. ДЛ-145. АО 7256. Зак. 3094. Тираж 100.000 экз. Цена 5 р. 70 к: С 1-го I 1961 г. цена 57 к.

Издательство «Советская Россия». Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Типография «Радянська Україна», Киев, ул. Анри Барбюса, 51/2.

Цена 5 р. 70 к.
С 1/I 61 г. 57 к.